

**Н.М. Пржевальский**

**Путешествия к Лобнору и на  
Тибет**



## **Глава шестнадцатая Исследование верховьев Желтой реки (Продолжение)**

**[11/23 мая—23 июня/5 июля 1880 г.]**

*Возвращение на р. Бага-горги. – Прелестные здесь уголки. – Следование в Балекун-гоми. – Начало летних дождей. – Новый путь. – Урочища Ха-гоми и Доро-гоми. – Переход на переправу через Хуан-хэ. – Оазис Гуй-дуй. – Горы к югу от него. – Их флора. – Фауна. – Наше пребывание в этих горах. – Охотничьи экскурсии. – Восхождение на гору Джахар. – Возвращение в Гуй-дуй. – Переход на Кукунорское плато*

*Возвращение на р. Бага-горги.* Порешив возврат от устья р. Чурмын в Балекун-гоми, мы завьючили после полудня 11 мая своих мулов и поднялись к вечеру из глубокой ямины Хуанхэ на соседнее плато, где прошли еще немного и остановились ночевать; воду, которой нет в здешней степи, привезли с собой. Каким-то просторным казался теперь бивуак в широкой степной равнине после долгого пребывания на дне узких сумрачных ущелий. Зато там было тепло; здесь же, на высокой степи, мороз ночью грянул в -12,5 °С. Между тем в это время уже насчиталось, правда почти исключительно в ущельях, 117 видов цветущих растений. Однако и те цветы, которые кое-где встречались по степи, не погибли от подобного холода. Замороженные касатики (*Iris songarica*, *Iris ensata*) ломались в руках, словно стружки, но лишь только вошло и обогрело солнце – они цвели и красовались как ни в чем не бывало; не погибли также крупноцветная карагана (*Caragana grandiflora*) и прелестно пахучая жимолость (*Lonicera rupicola* var.), растущая по здешним степям ползучим кустиком в два-три дюйма высотой, в ущельях же достигающая роста в 2 фута. Эту жимолость мы взяли теперь в свой гербарий. Для последнего на нынешнее лето оказалось у нас всего лишь около пятисот листов пропускной бумаги, привезенной еще из Петербурга; китайская же, купленная в Синине, была вся плохого качества.<sup>[478]</sup> Поэтому для экономии мы укладывали теперь собираемые растения не только в отдельные листы, но и в промежутки этих листов. При таком способе гербаризации выигрывается много относительно излишнего расходования бумаги и объема собранных пачек; следует только в промежутки листов класть растения, уже высушенные предварительно в листах цельных.

*Прелестные здесь уголки.* Спустившись в ущелье Бага-горги не遠деке от устья этой речки, там, где некогда стоял китайский пикет, теперь заброшенный, мы нашли здесь прелестное местечко с ключевой водой и отличным кормом. Громадные тополи футов 70 –80 высотой, при диаметре ствола от 4 до 5 и даже до 6 футов, образовали здесь небольшую рощу, по которой, местами густым подлеском, росли облепиха и лоза. Весенней негой веяло в этом милом уголке; прохладный воздух дышал ароматом свежей зелени; всюду пели птицы, красовались цветы... Словом, было так хорошо, в особенности при контрасте с соседней местностью, что мы остались на дневку без особенной в том нужды. Но нам и дальше посчастливилось. Сделав небольшой переход вверх по той же Бага-горги, мы вновь встретили здесь местечко еще более обильное лесом и кустарниками, <sup>[479]</sup> которые теперь цвели и красиво пестрили собой крутые боковые скаты ущелий. В тех же кустарниках попадались цветущая земляника (*Fragaria elatior*) и кардамина (*Cardamine macrophylla*), а также начинали быстро развиваться могучие листья и цветочные стебли лекарственного ревеня. Их с жадностью пожирала медведи, которых, однако, добыть нам не удалось.

*Следование в Балекун-гоми.* Проведя еще двое суток в ущелье Бага-горги в занятиях по сбору вновь цветущих растений и на охоте, мы выбрались из этого ущелья на соседнее плато и направились прежним путем в Балекун-гоми. Промоченные сильным проливным дождем, мешавшимся со снегом, пришли мы на другой день в горы Сянь-си-бей, где опять-таки дневали. На этой дневке собрано было еще 22 вида новых растений. Из кустарников в вышепоименованных горах теперь цвели альпийская карагана (*Caragana jubata*), сплошь усыпанная бледно-розовыми цветами, и жимолость (*Lonicera rupicola* var.); среди же трав более других красовались *Incarvillea compacta* n. sp. с крупными розовыми цветами, мелкий голубой касатик (*Iris gracilis* n. sp.), гималайская буковица (*Trollius pumilus*), заячий мак (*Adonis coerulea* n. sp.) и *Przewalskia tangutica*, <sup>[480]</sup> новый род и новый вид, установленные академиком Максимовичем. Но вообще растительная жизнь в горах Сянь -

си-бей только что начинала развиваться, и очень многие виды трав еще не раскрывали своих цветов.

Пройдя в следующие три дня сначала по безводному степному плато, а потом по пескам левого берега Желтой реки, мы достигли того места ее долины, где изобильно растут тополевые рощи. В этих рощах мы охотились более чем полтора месяца тому назад. Однако и теперь, несмотря на закончившийся весенний прилет, вновь появившихся птиц здесь было очень немного. Лишь по ключевым болотам гнездились водяные курочки (*Ortygometra bailloni*, *Gallinula chloropus*) и изредка лысухи (*Fulica atra*), да неумолкаемо пели камышевки (*Calamodyta orientalis*); в самом лесу замечены были вновь только китайские горлицы (*Turtur chinensis*) и китайские вьюрки (*Chlorospiza sinica*). Не лучше было и в растительном мире, как здесь, так и возле Балекун-гоми, куда мы пришли, сделав еще один переход. Среди кустарников в этой местности теперь начинали цвести тамариск и хармык; барбарис уже оканчивал свое цветение; из цветущих же трав по лесам в изобилии встречался лишь мышьяк [термопсис] (*Thermopsis lanceolata*).

*Начало летних дождей.* Между тем для здешних местностей наступил период дождей, продолжающийся все лето, в высоких же горах захватывающий частью и осень.<sup>[481]</sup> Собственно атмосферные осадки начали перепадать с половины апреля, но со второй половины мая дождь или, выше 11 000 футов абсолютной высоты, снег падали в горах почти каждый день; часто также случались и грозы, хотя вообще несильные. Так продолжалось в течение июня, июля и первой трети августа, словом, до выхода нашего с Тибетского нагорья в Ала-шань. В 1872 году в продолжение лета, проведенного нами в Восточном Нань-шане, шли также почти непрерывные дожди, заменившиеся осенью частым снегом. Вместе с тем мы наблюдали тогда, что, при полном отсутствии летних бурь, атмосферные осадки приносились, главным образом, слабыми юго-восточными ветрами или падали во время частых затиший. Ныне для Восточного Нань-шаня подтвердилось то же самое; на верхней же Хуан-хэ и на оз. Куку-нор почти все дождевые тучи приносились несильными западными, или, вернее, западно-юго-

западными ветрами, даже в тех нередких случаях, когда внизу дул ветер восточный.

В девятой главе настоящей книги уже была объяснена причина подобного явления тем предположением, что дожди Северного Тибета, со включением сюда оз. Куку-нор и бассейна самой верхней Хуан-хэ, приносятся из-за Гималаев юго-западным индийским муссоном, который, по мере своего поднятия в высшие широты, принимает все более и более западное направление. В Восточный же Нань-шань еще достигает юго-восточный муссон, разливающий влагу на весь собственно Китай. От встречи этих двух муссонов, весьма ослабевших при своем дальнем пути, происходят частые летние затишья в Восточном Нань-шане, нередкие также и на верхней Хуан-хэ. Затем образованию обильных летних дождей в вышеуказанных местностях, равно как, вероятно, и во всем Северном Тибете, пособляет здешняя глинистая почва, не скоро пропускающая в себя атмосферные осадки,<sup>[482]</sup> которые быстро испаряются вновь, лишь только проглянет жгучее летнее солнце. Тогда все мигом высыхает, а испаренная влага опять образует богатые электричеством облака, которые, охладившись в верхних слоях атмосферы, вновь падают дождем или снегом на землю. Но вообще все эти осадки, как летом, так и в особенности осенью, в большем количестве выпадают в самих горах, нежели в долинах, помещенных среди тех же гор. Более же обширные степные местности, как, например, Куку-нор, вероятно также и луговые плато на верхней Хуан-хэ, осенью пользуются совершенно сухой погодой, которая с сентября наступает и во всем Северном Тибете. Обильные дожди, падающие в высоких горных областях попеременно со снегом, весьма способствуют значительному понижению летней температуры на всем Северно-Тибетском нагорье.<sup>[483]</sup> Они же обуславливают собой, главным образом, и летнее разлитие всех здешних рек, в том числе Желтой и Голубой. Однако громадные летние разливы в нижнем течении двух последних<sup>[484]</sup> происходят не столько от дождей Северного Тибета, которому принадлежат лишь самые верховья знаменитых китайских рек, сколько от тех же дождей, падающих в обширных бассейнах их среднего

течения, т. е. уже в пределах собственно Китая. Тамошние же дожди приносятся из Китайского моря юго-восточным муссоном.

*Новый путь.* Дурная, дождливая погода принудила нас провести трое суток возле Балекун-гоми, на одном из островов, образуемых рукавами Хуан-хэ. Вода в последней прибыла за это время на несколько футов и еще более окружила наш остров; однако нашелся брод, по которому мы перевели вьючных мулов. В подмогу к ним теперь явились пять верблюдов, оставленных нами для поправки при следовании в передний путь. Однако верблюды эти, вероятно, вследствие дурного присмотра нисколько не поправились, так что двое из них вскоре были брошены; зато трое остальных выходили до конца экспедиции.

Одновременно с выступлением из Балекун-гоми в оазис Гуй-дуй, где, как было решено еще на Чурмыне, мы должны были переправиться на южную сторону Хуан-хэ, переводчик Абдул Юсупов с одним из казаков отправлены были в Синин за получением присланных из Пекина бумаг. Сами же мы поплелись сначала прежним путем, а затем с перевала через хребет Балекун свернули вправо и перешли Южно-Кукунорский хребет восточней, нежели в марте при следовании на Хуан-хэ. Теперешний перевал, также весьма удобный, имел 11 400 футов абсолютной высоты. Как раз близ него пришлось нам провести ночь, в течение которой выпал довольно порядочный снег. Утро наступило отвратительное: кругом засыпанная снегом почва, темно-бурые надвинувшиеся на горы облака, ветер и холод. С трудом спустились мы с гор на довольно широкую степную равнину, составляющую, при абсолютной высоте 10 900 футов, юго-восточное продолжение Кукунорского плато; но, пройдя здесь немного, принуждены были опять остановиться, так как вновь предстоял спуск в глубокую долину Хуан-хэ. Между тем не перестававший дождь до того размочил лёссовую почву ущелий, что не только верблюды, но даже мулы скользили и падали; на сапоги наши беспрестанно налипали чуть не полупудовые куски той же лёссовой глины. Поневоле пришлось ждать, пока проглянет солнце и высушит дорогу. По счастью, такая благодать не замедлилась. К полудню дождь перестал, облака рваными кучами потянулись по горам,

наконец показалось солнце, и, как обыкновенно здесь, через два-три часа везде было почти совсем сухо. В то же время нам открылся прекрасный вид на бесчисленные ущелья, глубокими траншеями бороздившие почву в различных направлениях; позади этого хаоса на юге высилась и ярко блестела своими снегами горная группа Джахар. К ней теперь устремились все наши помыслы; но прежде все-таки необходимо было идти в Гуй-дуй.

*Урочища Ха-гоми и Доро-гоми.* Спустившись по ущелью р. Тагалын, где местами приходилось идти то по крутым глинистым скатам, то по узким, словно мостики, перешейкам, образуемым разрушениями лёсса, мы достигли сначала урочища Ха-гоми, а немного далее – урочища Доро-гоми. Первое из них лежит на том же Тагалыне; второе – на самой Хуан-хэ. В обоих живут оседло хара-тангуты, в числе около 70 семейств. Поля, хотя и небольшие, но прекрасно обработанные и орошенные арыками. На них сеют пшеницу, ячмень, лен, горох, бобы; реже – овес, гречиху и коноплю. На тех же полях растут большие ивы и тополи, которые доставляют летом прохладу и весьма украшают местность. Кроме того, от этих деревьев, в особенности от ивы, получают, как и везде в Китае, дрова с весьма благоразумным расчетом. Именно ствол дерева срубают на высоте более сажени от земли, самый же обруб покрывают глиной для предупреждения высыхания. От такого пня вскоре вырастают новые густые ветви, которые впоследствии также идут на дрова. Таким образом одно и то же дерево, через известные промежутки времени, доставляет топливо, притом само сохраняется и принимает красивую шарообразную форму. Из плодовых деревьев в описываемых поселениях растут только абрикосы.

*Переход на переправу через Хуан-хэ.* Немного ниже Дорогоми Хуан-хэ подходит к обрывам своего левого берега. Необходимо подняться вверх на громадные (футов 600–700) лёссовые толщи, а затем спуститься вновь к реке, миновав ее недоступную излучину. Тропинка идет сначала на расстоянии полуверсты глубоким коридором с совершенно отвесными боками; местами этот коридор до того узок, что те из наших мулов, которые были завьючены большими ящиками, пройти

не могли. Пришлось делать выбоины в глиняных стенах, дабы расширить путь. Затем нужно было подниматься по чрезвычайно крутому скату одного из боков того же ущелья и, наконец, взобравшись наверх, тотчас снова спускаться, но уже по более открытому ущелью. Здесь кстати сказать, что все обрывы состояли исключительно из лёссовой глины без примеси слоев гальки.

Местный тангутский старшина, вероятно по приказанию сининского амбана, в свою очередь получившего внушение из Пекина благодаря хлопотам там нашего посольства, выслал для проводов нашего каравана через вышеописанное трудное ущелье целую сотню рабочих мужчин и женщин. Правда, с большим успехом можно бы было обойтись здесь и десятью человеками или того менее, но ведь в Китае люди и время не ценятся – там, где достаточно двух-трех человек, наряжают столько же десятков. Так было и теперь: нам помогали всего несколько рабочих; остальные смотрели, советовали и приказывали.

В тот же день вернулись наши посланные из Синина и привезли с собой пекинскую посылку. В ней были письма, полученные в разное время посольством на наше имя, и газета «Неделя» за весь минувший год. Ровно 14 месяцев, т. е. от самого выхода из Зайсана, мы не имели никаких вестей с родины и не знали, что творится на свете. Понятно, с какой лихорадочной радостью принялись мы теперь за чтение и каким праздником был для нас этот день.

Вместе с тем Абдул рассказал, что сининский амбань опять сильно рассердился, узнав от нашего же переводчика, что мы идем не в Синин и далее в Ала-шань, а через Гуй-дуй в горы к югу от этого оазиса. Сначала амбань, принимавший Абдула, как некогда и меня в ямыне в присутствии старших чиновников и со всем парадом, отвечал, что не пустит нас на южную сторону Желтой реки. Когда же наш переводчик, вообще весьма мало церемонившийся при объяснениях с китайскими властями, категорически объявил, что мы и без позволения пойдем в желаемые горы, как сходили на Хуан-хэ до устья Чурмына, тогда амбань перестал упорствовать в отказе и только просил не заходить далеко на юг к Сы-чуани; но подобный поход и без того не входил в нашу программу.

Через Желтую реку мы переправились в два приема на большой барке, посредством которой производится немного ниже г. Гуй-дуй сообщение между обоими берегами Хуан-хэ. Ширина ее здесь при средней воде 60 сажен; абсолютная высота 7300 футов; течение очень быстрое. Вниз по реке незначительное плавание производится на особых оригинальных плотах, состоящих из нескольких надутых воздухом бараньих шкур, сверху скрепленных тонкими жердями, насланными тростником. На таком маленьком плоту помещается небольшая кладь и человек, который только правит своей посудиною, быстро несущейся по волнам.

*Оазис Гуй-дуй.* Оазис Гуй-дуй [Гуйдэ], на котором мы теперь очутились, лежит, как уже было говорено ранее, в 65 верстах ниже Бале-кун-гоми и образуется двумя небольшими впадающими справа в Хуан-хэ речками – Муджик-хэ и Дун-хо-цзян. Весь этот оазис состоит из небольшого областного города Гуй-дуй, или Гуй-дэ-тин, и нескольких сот фанз, рассыпанных вверх по двум названным речкам, из которых получается вода для орошения полей. Общее число жителей простирается, как нам говорили, от 6 до 7 тысяч душ обоего пола – наполовину китайцев, наполовину хара-тангутов рода дунцзу. Только женщин в Гуй-дуйе гораздо больше, чем мужчин, по той причине, что последних много было побито во время недавней магометанской инсurreкции.

Описываемый оазис весьма плодороден и, как везде в Китае, населен до крайности. Городские жители занимаются торговлей; деревенские – земледелием. Между теми и другими много страдающих зобом, калек, изуродованных оспой или покрытых язвами; то же самое замечено было нами и среди присининского населения.

Из хлебов в Гуй-дуйе засеваются те же, что и в урочищах Ха-гоми и Доро-гоми. Только здесь больше разводят на полях арбузов и дынь: в садах же достаточно фруктовых деревьев – главным образом груш и абрикосов; есть также мелкие черешни. Последние теперь, т. е. в начале июня, уже спели; ячмень и пшеница колосились.